

*Впрочем, земля и сама завершается молом,
погнавшимся за,
Иосиф как по плоским ступенькам, по волнам
БРОДСКИЙ убежавшей свободой*

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

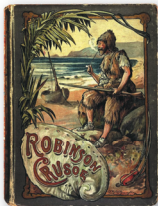
РОБИНЗОН КРУЗО БЫЛ В СИБИРИ

360 лет Даниэлю Дефо (Daniel Defoe 1660–1731), прозаику, поэту-сатирику, публицисту, журналисту. Он владел многими языками, включая русский. Был тайным агентом Её Величества, бизнесменом, не один раз сидел в тюрьме, участвовал в восстаниях, бывал и очень богат, и крайне беден. Автор нескольких

романов, в том числе «Робинзон Крузо», «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», «Серьезные размышления Робинзона Крузо, с его видением ангельского мира».

В 1722 году издал «Беспристрастную историю жизни и

зи с историей Московии. Написана британским офицером, находившимся на царской службе»: «Покажите мне в Европе еще такого государя, который бы, не имея прежде ни одного корабля, за три года построил бы флот!.. Не за счет завоеваний, прежде всего преобразовывал страну Петр, а перестройкой экономики, обычаев, нравов и торговли.» Оценку деятельности Карла XII Дефо выразил, повторив поговорку: «Кого Юпитер хочет погубить, того он лишает разума». Д. Дефо хотел, чтобы на его могиле значилось: «Даниель де Фо, джентльмен». Но потомки рассудили иначе и высекли на могильном камне: «Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо».

деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени. С описанием его путешествий и переговоров в различных европейских странах. Его действия и успехи в северных и восточных частях света. Во взаимосвя-

ЛитПортрет

Василий Чернышев, Москва, секция «Клуб им. Джерри Рубина»

МОЯ БИОГРАФИЯ

Я родился и вырос в Москве. Первые пару лет жил на Аргуновской улице, кажется, из окна было видно Останкинскую башню. После развода родителей меня на год отправили жить к моей бабушке Ирине Генриховне, переводчику и дипломату. Это было в Беляево – где каждый двор (в три года – запросто!) был похож на огромный парк. Мой дед, Владимир Алексеевич Власов, тогда еще живой и веселый, пускал со мной мыльные пузыри, давал примерить свою казацкую папаху и водил меня на прогулку в Тропарево. Когда Владимир Алексеевич и Ирина Генриховна ссорились, они запирались на кухне и ругались на немецком языке, который оба знали в совершенстве. От этого, правда, было еще страшнее. Моя мама Светлана в тот момент работала художником-постановщиком на одном телевизионном проекте. По выходным она приезжала и привозила разнообразные подарки. Больше всего мне запомнился торт «Сказка» с жирным, почти несъедобным кремом, который все почему-то любили.

А как-то раз мама сказала, что выходит замуж. Для меня трехлетнего это было большим

потрясением. Я так протестовал, что меня даже не взяли на самую свадьбу. А потом началась жизнь, примерно похожая на ту, которой я живу сейчас: переехали в квартиру на Киевской, из окна стало видно трубы ТЭЦ №12. По вечерам ко мне приезжал мой папа Андрей, катал меня на синей надувной собаче, водил в кофейню и купал в ванной. С моим новоиспеченным отчимом мы не ладили: часто ругались и дрались. Поскольку мы были в разных весовых категориях, он всегда побеждал. Но когда мама родила моего брата Юру, меня оставили в покое. После у мамы родилось еще три дочки, а я рос вместе с ними – любимый, но иной. Черноволосый, смуглый, как шахтер из Донецка, в котором рос мой папа, среди голубоглазой четы жаворонков. Ничем не озаменовалось мое отрочество: ел, спал и был умным ребенком. В тринадцать лет мне вырезали аппендицит, в четырнадцать я похоронил своего товарища Илью, порвал со всеми прежними друзьями и глубоко задумался: куда я иду? И как в часы душевной смуты человеку является лукавый, на моем пути появились две учительницы химии. «Ты будешь новым Бултеровым!» – предсказали они мне. Как, впрочем, предсказывали и всем остальным ребятам. Но уже тогда во мне проснулась страсть записывать всякие вещи, которые я видел и чувствовал. Появились первые дневники, эссе и любовные записки, которые к десятому классу я превратил в первый выпуск собственного журнала. Открыв словарь наобум, я выбрал слово «Зюйд» и так назвал журнал. Потом, к концу одиннадцатого класса, вышел второй выпуск, где я опубликовал стихотворения и эссе своих друзей вместе со своими. А дальше я поступил на химический факультет МГУ. Мое обучение там совпало с ужасными событиями моей жизни, которые я пока не решаюсь описать. Попутно участвовал

в Московском Поэтическом Слэме, и сомнение, теснившееся в груди, разгоралось. И, наконец, огромное колесо моего ума, вставшее не на тот рельс еще в девятом классе, вдруг заискрилось и соскочило. Я ушел с химического факультета и отправился заново сдавать экзамены, чтобы поступить на журналистику. На этом я закончу свое жизнеописание, потому что грядущее обьято сизым, но радостным туманом.

Я с лупой ползал в камышах:
Искал улики и следы,
И повстречал двух лягушат,
Сидевших у воды.

Я предъявил им документ,
Хотел устроить им допрос.
Они на это мне в ответ
Лишь показали нос.

Они сказали: мы вдвоём
Тут с мая месяца живём
И никого не выдаём.
Тайн полон этот водоём.
И не расскажем ничём,
Хоть пришиби нас кирпичом,
Кто прячется на дне прудá,
Кого от глаз хранит вода.
Что на лице его усы,
А на руке его часы,
И стрелки на его часах
Застыли на восьми часах.

Я ждал зимы в литературном институте
Меня носило ветром в сторону катка:
Мечтал я сквозь ржавеющую прутья
Как будет резать лед фигурная нога

Я плыл в троллейбусе, мечтал о Петербурге,
О том, как в воскресенье дирижабли
Оденутся в фабричный дым, как в куртки
И будут греть брезентовые жабры.

В троллейбусе кондуктор с бородавкой
Он чародей, он зайцев превращает в жаб
Октябрь — эластичная удавка,
Но мне зима подарит два ножа.

В речку из липкой нефти
Густую как манная каша
Прыгают голые дети
Прыгает белый Дима

Нелепые женские бедра —
Ребята свистят с причала:
Давай, жиробас, сделай бомбу!
И только я не кричала

Ветка качнулась безвольно
Нефть залепила глаза
Он боком ударился больно
Но ничего не сказал

Нефть утекла — стала жидкой
Речку засыпали мелом
На память осталась открытка
От мальчика с бабыным телом

ПРО КОСМОНАВТОВ

Я стояла во дворе. Запрокинула голову, чтобы слезы затекли обратно. Небо с тремя звездами накрыло липовые кроны. Мальчик копал песок пультом от телевизора. Пришла бабушка, обернулась на меня, пожала плечами, забрала мальчика. Я стояла одна посреди огромного двора и смотрела на арку, откуда должна была

прийти мама. Но мама не шла, мама сказала никуда не уходить, а так хотелось домой! Дома чай с мультиками... И вот я задрала голову, уперлась, зацепилась глазами за небо и заревела. Казалось, что слезы должны были получаться темно-синими. Из-за неба, конечно. Если зачерпнуть море горстью — оно только соленое, а все целиком — синее. Но слез было не так уж и много, штук семь, так что вряд ли они были синие, но одна докатилась до уголка рта и оказалась соленой. И мне совсем не было страшно, нет, просто надоело. Чай с молоком, по телевизору что-нибудь, а мама не идет... Вообще-то, редко плачу. Слезная мышца слабая, нетренированная, так что слезы быстро кончаются. Из кустов вышла девушка в соломенной шляпе: «Эй, девочка, ты чего?». «Ничего, — ответила я (из носа капля упала: не синяя), — Маму жду». «А где твоя мама?» — она улыбнулась, и зубы столпились посмотреть с кем говорят. Дедушка говорил, что шпионы крадут маленьких детей. А я смотрела фильм про шпиона и шпионку. Но у шпионов всегда зубы — как пианино, и галстук есть... «Давай знакомиться. Я — Варвара, Варя. А ты?». Я назвала свое полное имя, и она рассмеялась. «Серьезная ты. Хочешь — у меня посидишь, пока мама не придет? А то в платье холодно?» Я посмотрела в ее глаза. Да, июнь был очень холодный. Холодный ведь — не всегда синий? Ее глаза были холодного синего цвета, но теплые. Холодный — значит непослушный. Непослушный — значит маленький. Маленький — кислый. А мы на дачу не поехали из-за холода, но и сливы, наверное, правда кислые пока. Я посмотрела в ее глаза — вроде безопасно. И чай у нее дома точно есть. Мы шли в другой конец двора, и шляпа соломенная шуршала: фьють-фьють. В ее подъезде было сухо и темно, как в скворечнике. «Лифт не работает, нам электричество чинят». Наощупь, страш-

но, перил не видно. На третьем этаже желтая фанерная дверь. Варвара в кедах прошла по черному паркету на кухню. Я за ней. На зеленой тахте у окна сидел кто-то. У него на голове был капюшон. У него под носом дремала тень. «Это Гвоздь, мой брат», – кивнула на него Варя. Гвоздь поднял голову и глаза у него были тоже синие, но слегка белые. Тень соскочила, как черная кошка. Привет! Точно брат. У них улыбки – поменяй местами и не заметишь. Я пила чай. Ступились над чашечкой. Осматривалась. Потолок изумрудный, а подоконник и паркет – малиновые. На трех стенах африканские звери, а на четвертой – зеркало в китайских газетах. На холодильнике плакат с голым мальчиком, пасущим коров, и желтое покрывало, а шторы из зеленого плюша. Из-за штор свет в комнате – как мармелад. В углу манекен в черном пышном платье, а вместо головы – шлем от скафандра с черным стеклом. Я подошла к манекену и уставилась ему в лицо. Из глубины черного стекла в ответ посмотрела маленькая кривая я.

– Нравится? – спросил Гвоздь.

– Ага... а вы космонавты что ли?

– Ну... можно и так сказать.

Я посмотрела ему в глаза – такие стеклянные шарiki продаются в автоматах. У него был широкий мягкий подбородок. «Ни фиги себе. Вот, значит, какие космонавты». Гвоздь встал и надел мне на голову шлем. Я села в красное кресло напротив окна. В шлеме наступила совсем ночь. Не было слышно, как лает собака и шумят липы, только в ушах шуршало, если голову повернуть. Гвоздь достал из кармана штатку и завернул самокрутку с щепоткой чего-то. Молочный дым за клубился вокруг его небритых щек. Комната – чашка. Гвоздь налил молоко. Космонавты пьют его незрячими. Он беззвучно о чем-то говорил с Варей, а я смотрела на липы и на отражение лип в зеркале. Огромном

зеркале! Обратный отсчет: семь... шесть... три... два... Звезды за окном замигали ярче и полетели навстречу мне, я вжалась в кресло и зажмурилась... А когда открыла глаза, была уже в невесомости. Руки висят в галактике – она простыней по всей кухне. Снаружи зажигаются желтые – холодные и холодно-голубые – самые горячие – подвездные окна космической станции. Так спокойно и смешно! Вдруг космонавты обернулись: «По-моему, это тебя». Я сняла шлем и услышала. Кричала мама, потеряла. До свидания! Сбежала по ступенькам, в темноте было светло, как поездам в метро. Холодный июнь потерся об ноги, я задрала голову и побежала навстречу маме.

«Я видела двух космонавтов сегодня! – сказала я, – Мам, а шпионы на деревьях плачут?». «Плачут, только тихо. Ешь давай». Есть, да, хотелось. Голова моя была тяжелой, как планета, мысли крутились вокруг. А космонавты сами порядок наводят в ракете? А чем они посуду моют, а, ну да, они бутерброды едят, наверно. А они точно космонавты? Ну конечно... Съела суп, пошла чистить зубы. Перед сном я залезла на подоконник, встала на стопку книг и высунулась в форточку. Июнь, холодный, шуршал лапами в волосах лип. Я посмотрела наверх: кондиционеры, балконы, карниз с голубиным пометом, а над этой ерундой – звезды. Многомного цветных звезд! В носу защипало от слез. «Хорошо! Все очень просто и хорошо! Гвоздь сказал, что скоро вылет. Я завтра к ним приду. Завтра!». Стопка книг расскользнулась, я упала на кровать, а книги упали мне на ноги, и я рассмеялась. Но на следующий день был зубной. А от анестезии у меня подскочила температура – не пошла к космонавтам, только пила чай с молоком. Во дворе валялся холодный пыльный июнь. Он гавкал в липах, придурковатый. Только бы они еще не улетели!

Я проснулась в пять утра. Небо серое, уже светло, хотя солнце еще не вышло из-за серебраного хребта крыши. Метла чиркает во дворе, воробьи кашляют. Я быстро надела платье, кеды и выбежала во двор. Пятками по бетонной лестнице – бом-бом. Никого не было, только дворник на ржавом велосипеде мимо проехал. Я взлетела по ступенькам на третий, открыла желтую дверь. Не заперто, как и в прошлый раз. В коридоре темно. Я на цыпочках прошла на кухню и замерла: длинные осколки зеркала валялись на полу, шторы сорвали, скомкали – они теперь мусор, манекен упал, стол был вверх ногами. Только плакат с голым пастушкой остался цел, но в нем больше не было загадки. Я пошла обратно по коридору, повернула ручку двери и попала в комнату с двумя кроватями. Кровати были выдвинуты на середину комнаты, на полу валялась гора одежды, на которой спал какой-то мужичок в рубашке. Здравствуйте! Извините пожалуйста! Он быстро замигал непонимающими глазами и обернулся на меня: «Здрасьте...»

– Я ищу Варвару и Гвоздя. Не знаете, они улетели уже? – спросила я.

Он поднял брови и повилял заспанными глазами, как больной.

– Улетели? – просипел он, – Ну да, вчера улетели.

Он потер виски, вздохнул и уставился в потолок. Первые лучи солнца просочились в комнату и капнули ему на лицо. Я засопела. Хотела заплакать от обиды: «А вы почему тут? Вас не взяли?».

– Меня? – он усмехнулся, – А меня-то за что? Я не из этих...

– Понятно, – сказала я и вышла из квартиры. Дома все еще спали. Я села на подоконник в кухне, включила радио и стала вертеть колесико, чтобы услышать новости про запуск, но везде были только деньги и пробки. Я проваля-

лась на кровати до вечера. А перед сном снова высунулась в окно через форточку. Опять синий июнь кувырчался, снова были звезды... но вдруг я увидела одну красного цвета. Она плавно шла над городом от одной трубы к другой и дальше. Когда я пригляделась к ней, то увидела, что она мигает. Теплый ветер почесался об мое ухо – мигала ракета, вращалась Земля, летел июнь! Я схватила на кухне полотенце и, высунувшись в окно, замахала им, как платком. Ракета залетела за балкон на восьмом этаже, но я еще подождала чуть-чуть. Ладно. Как хорошо. Как хорошо, что они все-таки не опоздали на ракету! Я прыгнула с подоконника в кровать и сразу заснула. Мне снился теплый синий гул, с треском рассыпавшийся на тысячу зеленых искр при каждом моем шаге. Я за кем-то побегала во сне и свалилась с кровати.

Андрей

Владимир Пыхов

ГРОЗА

(миниатюра)

Жарко. Душно. Раскаленный воздух почти осязаем. Его хочется потрогать руками. Куда-то пропали птицы. Не порхают бабочки, не взбивают недвижимый воздух прозрачными крылышками стрекозы, не издают низкое глухое урчание своими скрытыми моторчиками шмели, не стрекочут кузнечики, не ползают по травинкам и веткам разнообразные жучки и паучки всех размеров и раскрасок. Горячий воздушный кисель не дает возможности передвигаться всему живому. Огненные лучи солнца, неотвратно струящиеся с выцветшего от жары неба, прокалывают все предметы, находящиеся на поверхности, желая испепелить их. Распустившиеся цветы, яркими пятнами расцветивающие зеленый ковер, пребывают в полубомбочном состоянии, готовые упасть на вялую от обезвоживания траву. Рыжий кот, вальяжно развалившийся на зелени травы, с упоением вытянувшийся во всю длину от розового носа до кончика хвоста и похожий на небрежный мазок солнца, с наслаждением жарится в лучах своего собрата. Одуревший от жары пес высовывает из душной конуры лохматую морду с затуманенными глазами, раскрывает пасть, из которой вываливается, как огромный слизняк, сиреневый влажный язык, и тяжело дышит. Осоловелые куры нехотя что-то выскивают на высохшей, растрескавшейся земле, а их надменный надзиратель, впавший от жары

в ступор, неистово вращает своими безумными глазками-бусинками, его гребешок и бородака при этом из красных делаются пунцовыми.

Но вот неблизкая полоска горизонта начинает менять свою темно-серую окраску на черную. Смущенные дуновения теплого ветерка слегка теребят листву деревьев, как мать ласково ерошит шевелюру уже повзрослевшего сына, нежно пробегают волнами по изумрудной траве, игриво щекоча ее, поднимают пыль, которой до этого дорога кокетливо припудривала себя, вовлекают в ветроворот маленькие сухие листочки вместе с каким-то мусором, заигрывают с сохнувшим на веревке белоснежным постельным бельем, пытаются вздремнуть на нем, как будто им не хватает облачных небесных постелей.

В непонятной дали раздаются приглушенные робкие удары грома, похожие на стук вагонов при сцепке во время формирования составов либо на встряску грузовика на ухабах, полного пустой металлической тарой. Огромная черная

масса медленно, но настойчиво и жадно пожирает сильнее пространство неба. Как гигантская скала, она пытается слиться с землей и, словно катком, раздавить всё на ней сущее. Ледяное дыхание туч чувствуется в наблюдающем силу

ветре, еще только предполагающем показать всю свою силу и мощь.

Мгновенно темнеет. Первые крупные холодные капли влаги безжалостно бьют по нежной листве, по бархатной траве, по еще теплым лепесткам цветов, зарываются в прожженную пыль, тут же впитываясь в нее и превращая пудру в черную жижу. Еще один миг – и дождь начинает лить с такой силой, как будто там, на небе, на железнодорожных путях столкнулась тьма составов с цистернами с водой. Он пытается пробить черепичные и железные крыши домов, разбить стеклянные глаза их окон; прошивает пулеметными очередями в один момент образовавшиеся на дорогах многочисленные лужи; вместе с неистовым ветром так треплет воздушную, прозрачную листву деревьев, словно разъяренный муж таскает за волосы уличную в измене жену; нещадно бьет водяными батогами по страдальчески согнутым спинам трав, стремясь втоптать их в грязь и сравнять с землей; отомашь хлещет по открытым настежь лицам цветов, намереваясь оборвать все

их лепестки, оставив только тонкие беззащитные шеи стеблей. Огненные тропинки молний на мгновение проступают на черной пашне неба. Гром раскалывает воздух на невидимые глыбы, которые с неимоверным грохотом сталкиваются, предвещая конец света. Гром грохочет нестерпимо, пробирая до дрожи, до мурашек...

Но вот дождь стихает, мягко шурша по крышам домов, листьям, травам, цветам и лужам, превратившимся в небольшие озера, удивленно глядящие своими черными зрачками на преображенный окружающий мир. Гром удаляется, затихает и звучит из какого-то оврага, как из оркестровой ямы, боязливо и совсем не страшно. Сквозь тяжелые веки туч солнце радостно подмигивает земле, как бы извиняясь перед ней за проявленную слабость перед ветром и дождем, натворившими на ней такое. Но земля, конечно, прощает его, осознавая, что огромный глоток влаги напоил ее иссохшую душу и вызвал к жизни буйство новой зелени.

Расправляются согбенные спины трав, деревья заодно встряхивают зелеными прядями, роняя на землю блестящие капли, цветы прихорашивают свои прически. Сотни оттенков тонких ароматов пропитывают промывкой дождем воздух. Всё начинает стрекотать, жужжать, чирикать, свистеть, петь, шелестеть, куковать, каркать, ухат, квакать, пищать, кричать, трещать... Симфония звуков сливается с симфонией ароматов в один торжественный гимн обновленной и освеженной жизни. Вода долго еще стоит в колеях дорог, в канавах вдоль них, в темнеющих лужах, не просачиваясь в землю, переполненную влагой, словно капризный малыш упрямо держит за пухлыми розовыми щечками ложку каши или супа, не желая проглатывать еду, несмотря на любые ухищренные уговоры.

ЛЕДОХОД НА МОСКВЕ-РЕКЕ

(штрихи из воспоминаний детства, 50-е годы XX века)

Каждую весну в дошкольный период мы с мамой ходили на Кремлевскую набережную Москвы-реки смотреть на ледоход, который продолжался в городе несколько дней. Уже при подходе к набережной был слышен шуршащий гул, создаваемый плывшими по реке разной величины льдинами. Они ударялись и терлись друг о друга, наплывали одна на другую, вздымались, демонстрируя довольно мощные торцы, трескались и с шумом крошились. Льдины были покрыты подтаявшим грязно-серым снегом. На некоторых из них можно было увидеть птиц, чаще всего это были вороны, бесцеремонно расхаживавшие по похуже на запятнанные скатерти в захолустной столовой снегу и что-то выискивающие в нем для пропитания. Их невозмутимый вид среди ледяного грохота ошеломлял.

Один раз на большой льдине я увидел тощую бурого цвета дворнягу с впалыми боками. В отличие от беспечных ворон, она находилась в напряженной стойке и со страхом смотрела вперед, ожидая неведомых для нее неприятностей. Мне было ужасно жаль это беспомощное животное, и я очень надеялся, что оно сможет по льдинам добраться до одного из разрывов гранитной набережной и выбраться по ступенькам, доходящим до самой воды, на тротуар еще в черте города.

Иногда на льдинах можно было заметить остатки какой-то рухляди, выброшенной недалекими гражданами на заснеженный лед реки в зимний период.

Медленно перемещающееся и тяжело дышащее тело реки было похоже на гигантских раз-

меров рептилию, покрытую ледяной чешуей и ползущую между гранитных берегов через весь город. От реки во время ледохода, как правило, веяло холодом, и мама внимательно следила за тем, чтобы мое склонное к простудам горло было тщательно укутано плотным шерстяным шарфом.

Вид ледохода завораживал, притягивал к себе, как магнитом, не давал возможности оторвать от него взгляд. Величественное зрелище ледохода каждый раз производило на меня огромное впечатление и становилось на несколько ближайших дней предметом его эмоционального обсуждения с дворовыми мальчишками, а иногда даже всплывало во сне. Мне представлялось, что это я, а не дворняга плыву по реке на огромной грязной льдине среди ледяного грохота и вот-вот попаду в эту страшную ледяную мясорубку. Но сон обрывался, и я радостно ощущал себя в своей теплой и мягкой домашней постели.

Теперь же лед на Москве-реке весной исчезает так же незаметно, как выпавший снег на городских тротуарах.

ЭЛЕКТРИЧКА

Станции несутся. Мелькают. Наблюдаю. Холодное окно — не надышешься. В детстве так пробовала — юлозишь пальцами, усердно стираешь маленькое окошко, а потом смотришь в него как в иллюминатор. Космонавтом себя представляешь...

— Девочка, ты кем стать хочешь, когда вырастешь?

Вопрос всегда заставлял меня врасплох. Я невпопад отвечала — медсестрой. Подумав, добавляла — или певицей. Перспективы разные — сосласитесь.

— Хорошая моя, дай ребенку на молоко..

В вагон зашла цыганка. Стала над душой. Хорошо — не моей. Выпрашивает деньги у женщины с растерянным взглядом. Женщина сидит напротив меня, рассматривает пассажиров и как бы ищет одобрения — давать? Не давать?

На всякий случай закрываю глаза и притворяюсь спящей. Всегда побаивалась цыганок — мало ли что у них на уме.. Кроме цыганок сейчас появилось немало «фирм», которые ходят по вагонам с печальным взглядом и такими же печальными картинками — фотографиями детей. Собирают на лечение. На прошлой неделе в этой же электричке мужчина в очках, по всему виду — юрист, очень долго рассматривал бумаги, выписки и эпикризы таких ходоков. Они уже даже начали нервничать. Но, как правило, таким все таки собирают копейчку..

— Ваш билет, пожалуйста.

Вот тут не притворишься спящей — без вариантов. Озябшими пальцами протягиваю «тройку». Пузатый мужчина в форме сканирует ее и возвращает.

— А почему в вагоне не топят, не знаете?

Он бурчит что — то в ответ. Едва разбираю смысл слов — это не входит в его компетенцию.

— Маски, перчатки одевать не забываем...

Это он уже не мне — я и так натянула до глаз многоразовую «хэбэшку» — так теплее. Про перчатки вообще молчу..

— Мороженное.. мороженное..

Энергичная тетя с коробом — холодильником не спеша идет по вагону. Короб в этом случае лишний — в обычной сумке тоже не растает при таком минусе. Ее «эскимашки» плохо разбирают. При такой холодыре почти ничего не купишь. Сезонный бизнес. Не то что ручками шариковыми или наушниками торговать — всегда нужны. Но тут ничего не сделаешь — подозреваю, что у них четкая договоренность — кто чем торгует. Законы рынка и конкуренции..

Ключу носом и сразу себя одергиваю — почти поддохала.

Двери лязгают, закрываются, механический монотонный голос объявляет: «следующая — Москва»...

Алла Шарапова

ВОРОНЕЖСКАЯ НОЧЬ

В граде Воронеже с кошкой-зимой
Власть мы хворали разлукой-чумой.

Я все гадала: возврат, невозврат...
Кошка-зима повторяла: навряд.

Знала же я, что в конце декабря
Мне отдадут твою тень лагеря.

Не говори: нехорош, не одет –
Я научилась сквозь тело глядеть.

Тень водокачки пусть смоем с ресниц
Сажу пожаров и пыль колесниц.

Я и сама уже на волоске –
Хилая тень на приречном песке.

Вся на бегу, на кругу, на моту –
Милостив Бог, что послал хромоту,

Я б измотала себя и сожгла...
Помнишь, как ты подарил мне щегла?

Черного с желтым, как месяц в смоле?
Не было птицы мне этой милей,

Но отпустила, чтоб смерть в ней избыть,
Чтобы нам вечно друг друга любить!

Скажут: свобода его без креста
И не от мира его красота.

Он же щегол, не напомним орла –
Все-таки царская дочь я была.

Кто меня клеит в парадный альбом
С нищим горбом и с простреленным лбом?..

Правда – щегол. Но какой был щегол!
Пушкинский был ему в пору глагол.

И в удалую словесную даль
Выдал ему подорожную Даль.

За многодонную флейту твою
Я проворонила место в раю.

Кошка-зима увела тебя в ночь
За хромоножку, за царскую дочь.

Только с небес долетал сюда свист:
Умер вчера окаянный флейтист!

Только волчиха провыла чуть свет:
Умер вчера неизвестный поэт!

Тимофей Ляховский

Я однажды состарюсь,
в мечтах своих я состарюсь.
Стану тише, суше, проще и добрей.
Но если ты состаришься –
напеки мне кренделей,
сухих кренделей.
Я не буду знать,
я не пойму иначе.
Я буду гадать.
Со вставной челюстью
поеду на Черусти
ягоды собирать.

С тугим кошельком, с походным мешком
Я буду всегда ходить пешком.

Я стучал, звонил, гудел –
Тебя нет нигде.
Возвращайся, слышишь –
Без тебя я нищий.

Галина Якимова

Я не знаю, что сказать,
С кем идти, чего желать,
Потерялась в этой жизни
В сотый раз, такую мать.
Между небом и землей,
Между миром и войной
Я подвешенной болтаюсь
С развороченной душой.

Успокойся, слышишь, успокойся,
Обороты сбрось, остановись.
Суетливость – низменное свойство.
Как сумеешь, Богу помолишься.
После сядь и посиди тихонько,
Повезет – услышишь, как пойдет,
Скрипнет заржавелой шестеренкой,
Запустив событий хоровод,
Вычертит узор замысловатый
Тот непостижимый механизм,
Помогавший каждому когда-то
Вплотить задуманное в жизнь.

Наталья Золотых

ВИРУСНЫЕ ПЕРЕПЕВЫ

Мне нравится, что в маске надо быть.
Мне нравится, что обязательны перчатки.
И что во двор гурыбой нельзя ходить.
Как будто в детстве мы опять играем в прятки.

Мне нравится дистанцию блюсти
На улице, в аптеке, магазине.
Соль, гречку, хлеб и прочее нести
В стерильно обработанной корзине.

Мне кажется, от этой чистоты
Мы скоро заблестим, как на витрине.
И руки будем мыть без помощи воды,
А только спиртом или просто в керосине.

Мне нравится, что в маске надо быть,
И обязательно носить перчатки.
Заметно станет безопасней жить.
Останется ли голова в порядке?

Наталья Рожкова

добрейшей Наташе Д.

Я надена бабушкин платок,
Шарфик, что связала ночью длинной,
У дверей меня подруга ждёт,
Санька. Ей четыре с половиной.

Липкую ириску ей в ладонь,
И – вперёд, по лестнице, быстрее,
Чинной парой с «Вискасом» идём,
Кормим всех помойных котофеев.

Во дворе – сплошной Морис Эшер*,
Мир весь отразился в луже сонной,
Правда, Санькин папа, например,
Обзывает «старую вороной».

** Эшер Морис (Мауриц) – нидерландский художник XX века, мастер оптических иллюзий.*

Говорит: «дружить со мной – облом»,
Санька мне щебечет, словно птица, –
«Кто дурак, – того сдадут в деДдом» ** ...
Я и там найду, с кем подружиться!

*** Вероятно, малышка имеет в виду дом для престарелых.*

Алексей Андреев

БЕСПОКОЙНАЯ ДУША

Грызет меня какой-то зверь
Покая я лишился
И говорю себе теперь
Чего я всполохился?

Всё также солнышко в окне
И блики монитора
И жизнь течет в приятном сне
Как будто без повтора

Живу нескучно вроде я
Нет места для печали
Семья, работа и друзья
Отзывчивый начальник

Но временами иногда
Становится мне гадко
И думается мне тогда
Где кроется разгадка?

В душе порой седая хмарь
Посередине лета...
И только тусклая печаль
И чувства без ответа.

Не знаю, что мне предпринять
Кому душой излиться...
И кто готов меня принять....
Так может ... помолиться?

Борис Илюхин

ЛЕНИВОМУ ПЕВЦУ

Мой милый друг, теперь, когда опять зима,
Когда у нас, в Москве, промозглость,
стынь и слякоть,
И вновь ГорМор забыл поддать тепла в дома,
И не до смеха вновь, а хочется поплакать.
Как славно было б мне от друга получить
Беспечных пару строк с весёлым анекдотом,
Сатиру ли на власть или сонет, да что там,
Хоть хайку: мол, весна, и солнце, и грачи.
Но вот уж десять лет при встречах каждый раз
Ты подчишь меня банальной отговоркой,
Что молодость прошла, а жизнь не удалась,
И сладкое не всласть, и горькое – не горько.
А стану я тебя в сердцах увещевать,
Что эдак вот твоё лицо забудут музы,
Ты дуешься всерьёз, как на бахче арбузы,
Однако не спешишь для песен созреть.
А как бы хорошо на каждый мой призыв,
Как некогда, блеснуть вещичей сладкозвучной.
Куда как проще – позаимствовать мотив
У птиц или воды (у ветра, кстати, лучше).
Уж он-то на ушко тебе мог рассказать
О дремлющей сосне на севере застывшем,
О пальмах в Шри-Ланка, о принце и о нищем,
О том, как он в гарем легко мог проникать.
А хоть бы и ручья послушать говорок.
(Всё ведомо воде – учёные открыли).
Представь, как много попок и прелестных ног
И много что ещё в ручьях наяды мыли.
А камни! С давних пор по произволу их
Богатыри пытать свою судьбу решались.
Сходи-ка в огород, вдруг букочки остались
На камешке каком, прочтёшь и сложишь стих,
А проще в ЦДЛ или в ЦДРЛ пойти,
Где ветеранов сбор, да подпоить старушку.
Она тебе таких историй наплетсти

Сумеет тет-а-тет к полночи, что там Пушкин!
Тут главное – душе своей не дать заснуть,
Средь будничных забот не забывать о чуде,
Петь хоть и задарма – поэта не убудет
И, кстати, дар есть долг!
Не позабудь вернуть!

Андрей Баженов

10 ИЮЛЯ 2020 ГОДА. ПЕРМЬ

Разгулялось всё же лето.
Кто бы думал, кто бы знал?
Обогрело всю планету
и упало на Урал.

Жарит, парит, самоварит,
аж, под сорок норовит, –
крепким градусом ударит,
лёгким дождичком крапит.

Мысли плаваются от лени.
Квас холодный лью в бокал.
Кот не лезет на колени, –
на балконе задремал.

Сквозь раскрытые окошки
не надышатся дома.
И не верится немножко,
что опять придёт зима.

ВРЕМЯ ФЕНИКСА

Время Феникса бьёт в набат,
грея сердце единой верою.
Было горе единой мерой нам,
станет радость нам во сто крат.

Нас учили по малолетству
не шутить со святым огнём,
что пылает в славянском сердце.
Он пылает и мы живём.

Разольётся малиновый звон
по широким долам и весям
под напевы славянских песен,
сердце трогавших испокон.

Александра Миронова

ИЮНЬСКАЯ ПРОГУЛКА

*Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве.*

О. Мандельштам

Свободный луч смиренным богомольцем
Идет по травам в первозданный град.
Зарделся дуб, разглядывая солнце,
Свершают ласточки торжественный обряд.

Притихло поле, будто ждёт кого-то.
Военный тракт давно затёрт песком,
И швы бывлых траншей, следы пехоты,
Надежно стянуты густым березняком.

В тепле низин сумерничают ели,
Качая в лапах тающий закат,
В дупле справляют белки новоселье,
Стрижи в малиннике согласно верещат...

Наш круг уменьшен – слёзы встрепенулись.
Сушается густая синева,
И мчится туча вспуганной косулей,
Прощально золотится нежная листва.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Читаю лекцию студентам,
Под окнами хрустит зима,
Вхожу как будто без билета
В покои сонного ума.

Версаль, Людовики, фарфоры,
Камеи, ряд пинакотек...
Вздыхают грустно монсеньоры:
Зачем нам тот парчовый век?!

Куда милее модный гаджет,
Где рой картинок тешит взор,
Душа упрямо смеха жаждет,
Культура Ваша – злой укор!

Писать рецензию тоскливо,
«В контакте» лучше отдохнем,
И плагиат, как Чиполлино,
Растет, умнея с каждым днем.

Пускай музей нутро щекочет,
Пусть там всё дышит и жует,
Там залы в виде глаз и почек,
А лестница – зубастый рот!

Что ни доклад, то клоунада,
Слова рождают винегрет.
Прошу: – Преамбулы бы надо.
– «Пре» что? – доносится в ответ.

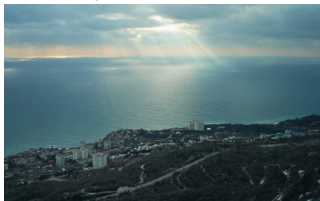
В музей ходим вдохновенно
Среди восточной тишины,
Ведём экскурсии посменно,
Мы здесь серьезны и равны...

Зачет нагрянул в День студента.
Притихла стая молодцов.
Не бойтесь – я без арбалета,
Люблю всех вас, в конце концов!

РЕЦЕНЗИИ

Л.М. Борисова, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, доктор филологических наук

Д. ЦЕСЕЛЬЧУК. “СОРОК ЛЕТ ПО ДОРОГЕ В КРЫМ” М., 2017

В Крыму Дмитрий Цесельчук обрёл своего гения места. Здесь прошли незабываемые дни детства и юности, на этой земле родился его внук. И вот спустя сорок лет поэт вновь в январе – феврале 2017 года посетил эти места, свой любимый ЮБК – южный берег Крыма:

*С берегом милого Южного Крыма
Связан родным языком
Всякая малость тут с детства любима
С каждым пригорком знаком*

Этот стихотворный цикл необычен тем, что в нём изображена крымская природа зимой. Читатель, не бывавший в Ялте в это время года, может представить её по фильму “Асса”. Но и Дмитрию Цесельчуку удалось нарисовать картину южной зимы с её налетающими штормами

и внезапным снегом: “В Ливадии опять зима / присыпаны порошей пальмы”, “И кипарис опять зелён среди снежного погрома”, “Последствия от снегопада / для Ялты – сумасшедший дом”.

В “Балладе о шторме” поэт пишет: “Без шторма как судить о море”, “Он куролесит будто чёрт”.

В стихотворении “Ялту засыпал снег” возникают образы озябших кошек: “Шторм не затихает / не умирает в кошках страх / куда идти в промокших шкурках / как непогожий скрасить день / улыбок нет у них на губках”, *кошара* появляется и потом: “И вновь урчит под боком море / кошарой в смежном коридоре”. Поэт, судя по всему, неравнодушен к этому хвостатому племени. Кошку, готовящуюся к курортному сезону, мы встречаем и в стихотворении “Ливадийская кошка”.

Южный Крым у Цесельчука просто кишит птицами, рыбами, кошками. Много удачных сравнений: спины дельфинов похожи на мокрые сливы, “Никитский склон на голубом / чем не уставший ослик”. Природа динамична, олицетворяется, рождает у поэта философские мысли, выраженные в актуально-публицистической манере:

*Бросает чаек шквал морской...
А стаи уток день-деньской
Кефаль снимают с пальцев
У белогривых бурунов
Не поднырнув под гребень
Мир безальтернативно нов
И тем великолепен.*

Цесельчук видит в крымской природе и мифологические образы. Так возникает метафора “циклопий глаз” солнца: “Затягивает поволоку бухты / Как у циклопа солнца выбит глаз”.

*Но знаю точно утром солнце будет
Оно из моря возникает тут
и нас своим циклопым глазом будит.*

Ялта, Ливадия, Масандра, Коктебель, Кара-даг – эти названия звучат для поэта волшебной музыкой. Он увлечён поэтическими образами и легендами Крыма. Красочно-выразительно описана история Медведь-горы. Поэтический текст дополняется обстоятельными интересными сносками, объясняются сами топонимы и то, что с ними связано: Кара-Даг, Сапун-гора, Никитский Склон. Упоминаются малоизвестные читателю гора Авунда, мыс Мартыня.

Размышления о божественном величии крымской природы чередуются с зарисовками повседневной жизни крымчан, обращаясь к которой поэт смело использует разговорно-бытовую лексику: “А Коктебеля Кара-Даг / скажи какой красавец”; “плещет поток барабулек / может быть и луфарей”, “со всех сторон на тебя кагалом прут”.

Поэта волнует “история глубокий срез” Крыма, древний Херсонес, окрестности Севастополя, сохранённая красота Ливадийской резиденции царя: “Стоит в Ливидии дворец / И в выправке своей гусарской / Он как и прежде молодец”. И сегодня так же современно звучат слова: “Крым не достался нам задаром / втридорога – наоборот”.

Дмитрий Цесельчук пишет о Крыме как чело-век, сроднившийся с этой землёй, пустивший в неё корни, разлучённый с ней на долгих сорок лет и снова вернувшийся в свой рай, благословенную Тавриду, которую не забудет уже никогда:

*Застынут в памяти навеки
Как солнца пламенные реки
Как рёв прибоя как дельфины –
Мозаика одной картины
С коротким зонгом ЮБК*

2020 г.

ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ

Нина Давыдова

ИСТОМИНО НА РЕКЕ ТАРУСЕ

Село Истомино Тарусского района в разное время принадлежало дворянам Толстым, Хитрово, в том числе дочери М.И. Кутузова Анне Михайловне Хитрово, купцу Лихоманову. Храм Успения Богородицы первоначально был построен в стиле барокко, потом перестроен

в классическом стиле, в советское время разграблен и находился на грани уничтожения. Сейчас отреставрирован, это действующая церковь. В очертаниях парка просматривается пейзажная планировка, сохранились липы, вязаи возрастом до 200 лет. План усадьбы совпадает с создаваемым в те же годы планом подмосковного Валуева, что совсем не случайно: владельцы Валуева Мусины-Пушкины (Алексей Иванович Мусин-Пушкин, обер-прокурор святейшего синода, президент Академии художеств, «открыл» для нас «Слово о полку Игореве») приходились родственниками истоминским Хитрово.

ПАНДЕМИЯ

ВОЗМОЖНА ЛИ БУРНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ?

Пандемия (греч. πανδημία «весь народ»)

Обмен опытом ещё никто не ограничивал:

I. Секция Кашалот, сознавая необходимость организации удаленного общения в период ограничений, связанных с распространением коронавируса, создала в социальной сети ВКонтакте:

1. Страницу «Литературная группа Кашалот», в которой постоянно обновляется информация, выкладываются стихи, видео и иные материалы, связанные с деятельностью членов секции (537 участников)

2. Чат «Кашалот. Информация» где идет постоянное общение, посвященное последним трендам в поэзии. (До 500 публикаций в день)

3. Чат «Кашалот. Деловое и мировое» где размещается краткая информация о ярких явлениях в мировой культуре (до 600 публикаций в день)

Ерохин, «Птица поэта» создатель, автор сборника Созвездия Кита Инна Медведун).

**Руководитель секции Кашалот
Николай Калиниченко**

II. Секция «Драматургия и сценаристика»

Наша секция пока самая молодая и скромная по численности, зато активная.

1. Основное общение участников проходит во внутренних чатах ВКонтакте и Телеграм (до 200 сообщений в день).

2. Кроме того, создана официальная страница секции в социальной сети ВКонтакте, где мы публикуем новости о всех обсуждаемых на данный момент мероприятиях. Участники из Тольятти, Иваново, Волгодонска предлагают посткарантинные мероприятия как социально значимые, так и коммерческие.

**Сергей Чекумаев
с коллегами**

3. Три участника (Некрасова, Дербенева, Волина) по представлению секции направлены на удаленное обучение на Литературные курсы им. Чехова (пакет «Современный роман»). Предложение поступило от дружественного Союза по заполнению именно бюджетных мест.

То есть участники нашей секции будут учиться бесплатно (полгода по 3 занятия в неделю).

4. В активной работе секции уже два больших проекта, в которых принимают участия несколько человек. Литературно-театральный проект совместно с МБУК «Библиотеки Тольятти» (3 чел.) и литературно-музыкальный релиз Global Sect (6 чел.).

Руководитель секции «Драматургия и сценаристика» Сергей Чекумаев www.chekmaev.com

Мария Шелухина

КОШАЧИЙ КОСМОС

Сидит, качается мой кот:
Вперёд-назад.
Назад-вперёд.
Стеклянный взгляд.
Колбасный хвост.
И сразу ясно: кот непрост.

Он что-то видит на стене,
Что недоступно видеть мне.
Кошачий космос на стене?
Косячий кошмос на стене?
Космячий шмокмос на стене?
И с этим всем наедине
Сидит, качается мой кот:
Вперёд – назад.
Назад-вперёд.

И мне с ним хочется присесть.
И даже место рядом есть.

Быть может, сяду и пойму,
Зачем, к чему и почему
Сидит, качается мой кот
Вперёд – назад,
Назад – вперёд?

Вперёд – назад...
Назад – вперёд...
И вот я сам –
Немного кот.

МАЙСКИЕ КОТЫ

Коты поют под окнами
Все ночи напролёт.
Ну что же вы, животные?!
Ну кто же так поёт?!

Крикучие, скрипучие
Кошачьи голоса.
На корм не отвлекучие
(А в корме – колбаса!)

Коты поют под окнами,
То “мяу!”, то “ла-лай!”
И рвёт тетрадки нотные
Совсем оглохший май.

СНЕГОПАД

Снег подкрался по-кошачьи,
В темноте прошёл неслышно
И засыпал сад и дачу
Белоснежной шерстью пышной.

Кот Беляш сидит у двери,
Бьёт хвостом, соображая:
«Неужели, в самом деле,
Это я опять линяю?!»

РАЗНИЦА

Кот состоит из ушей и усов,
Из полосЕй или нет, полосОв,
Из потягушек,
Из поскребушек,
Из выжиманий еды из старушек.

Ну а собачья природа проста:
Пёс, в основном, состоит из хвоста.

ВОРОНА

У вороны гнездо высоко-высоко,
Так, что облако клюнуть оттуда легко,
А представив, что облако – кошка,
И обкаркать вдогонку немножко.

Словно в башне принцесса ворона сидит,
А пониже на крыше, помойный на вид,
Распушился, как серая туча,
Кто-то драный и очень мяучий.

День и ночь он поёт, всё поёт о весне,
Он вороне является даже во сне.
И прогнать бы и дальше клевать облака,
Созерцая дома и дворы свысока.
Но от песен его всё теплеет внутри.
– Эй горррлстый! Ты слышишь?
Наверррх посмотррри!

У вороны гнездо высоко – высоко,
Клунешь облако – и побежит молоко
По усам у того, кто уснул под крылом,
Очень серым и очень довольным комком.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

360 лет Даниэлю Дефо. Робинзон Крузо
в Сибири 1

ЛитПортрет

В. Чернышев. Секция «Клуб им. Джерри
Рубина» 3

ПРОЗА

В. Пыхов, А. Щербакова 8

ПОЭЗИЯ

А. Шарапова, Т. Ляховский, Г. Якимова,
Н. Золотых, Н. Рожкова, А. Андреев,
Б. Илюхин, А. Баженов, А. Миронова . . . 14

РЕЦЕНЗИИ

Л.М. Борисова, доктор фил.наук, Крымский
университет им. В.И. Вернадского. Заметки
о книге Д. Цесельчука «Сорок лет по дороге
в Крым» 19

ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ

Н. Давыдова. Село Истомино Тарусского
района, усадьба Толстых и Хитрово 22

ПАНДЕМИЯ

Н. Калининченко и С. Чекмаев о
возможностях творческой бурной жизни
в эпоху коронавируса 24

ЛитКот

М. Шелухина. Кошачий космос. Стихи . . 26

Редакционная коллегия газеты «МОЛ»:

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Нина Давыдова

Члены редколлегии: Александр Петрович-Сыров, Дмитрий Цесельчук

Попечительский совет:

Илья Резник, Арсен Мелитонян

Верстка: Валерий Ковалевский

Свидетельство о регистрации СМИ:

№ А-0470 от 27.05.94

Отпечатано:

Типография «Роликс»

Москва, ул. Кржижановского, д. 31

Тираж 30 экз., объём 40 полос

Адрес: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,
ИРЯ РАН, В.А. Пыхову для газеты «МОЛ»

При перепечатке ссылка на газету
обязательна

www.literator.moscow

